

Александр Пушкин Сказка о золотом петушке

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молодю был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон,
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о подмоге
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу —
Шлет за ним гонца с поколоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
"Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
В миг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется,
И в то место обернется".
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит:
"За такое одолженье, —

Говорит он в восхищенье, –
Волю первую твою
Я исполню, как мою".
Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепетается,
К той сторонке обернется
И кричит: "Кири-ку-ку!
Царствуй, леж на боку!"
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит все смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
"Царь ты наш! Отец народа! –
Возглашает воевода, –
Государь! проснись! беда!" –
– "Что такое, господа? –
Говорит Дадон, зевая, –
А?.. Кто там?.. беда какая?"
Воевода говорит:
"Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице".
Царь к окошку, – ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: "Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!"
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.
Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья –
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличит царь вторую рать.
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходит;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку,

Сам не зная, быть ли проку.
Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: "Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла".
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смарть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.
Наконец и в путь обратный

Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала.
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, –
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь, как лебедь, поседелый
Старый друг его, скопец.
"А, здорово, мой отец, –
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?"
– "Царь! – отвечает мудрец, –
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу".
Крайне царь был изумлен.
"Что ты? – старцу молвил он, –
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего".
– Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу", –
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: "Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!"
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь схватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. – Вся столица

Содрогнулась, а девица –
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, зная, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот – въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрый молодцам урок.